

И. И. Змигродскій.

ГОГОЛЬ

на сценахъ города Юрьева

Лифляндской губерніи.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1902.

Изъ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ
Юрьевскомъ Университетѣ. Т. VI.

Гоголь на сценахъ города Юрьева Лифляндской губерніи.*)

Мм. Гг.

Кому изъ русскихъ людей не знакомо имя Гоголя, какъ драматурга! Не много драматическихъ произведеній написано Гоголемъ: одна пьеса, собственно говоря, — „Ревизоръ“ — прогрессѣла на всю Россію, но и одной этой пьесы было достаточно, чтобы увѣковѣчить имя писателя, память котораго чувствуется нами сегодня. Прошло 50 лѣтъ со дня кончины великаго юмориста, прошло 66 лѣтъ со дня перваго представленія „Ревизора“, но до сихъ поръ во всѣхъ концахъ Россіи и даже за границу не ослабѣлъ интересъ къ этому великому произведенію.

Рамки моего сегодняшняго доклада не позволяютъ мнѣ долго останавливаться на значеніи комедіи, составившей Гоголю имя выдающагося драматурга; все же я позволю себѣ хоть вкратцѣ коснуться его, основываясь преимущественно на мнѣніи самого Гоголя, понимавшаго, разумѣется, лучше всѣхъ настоящій смыслъ своего же „Ревизора“.

„Я рѣшился собрать все дурное, какое я зналъ,“ пишетъ Гоголь въ письмѣ къ Жуковскому 29-го декабря 1847 г., „и за однимъ разомъ надъ нимъ посмѣяться — вотъ происхожденіе „Ревизора“! Это было первое мое

*) Этотъ докладъ былъ прочитанъ, безъ большей части примѣчаній, 7-го апрѣля 1902 года, въ засѣданіи Уч.-Лит. Общ.

произведеніе, замышленное съ цѣлью произвести доброе вліяніе на общество, что впрочемъ не удалось: въ комедіи стали видѣть желанье осмѣять узаконенный иорядокъ вещей и правительственныя формы, тогда какъ у меня было намѣреніе осмѣять только самоуправное отступленье нѣкоторыхъ лицъ отъ форменнаго и узаконеннаго порядка 1).

Уже до „Ревизора“ имѣются въ русской литературѣ драматическія произведенія обличительнаго характера; „Ревизоръ“ нашель для себя уже болѣе или менѣе приготовленную почву, но ни одна изъ предшествовавшихъ ему комедій, за исключеніемъ, разумѣется, „Горя отъ ума“ Грибоѣдова, не можетъ сравняться съ нимъ ни въ яркости красокъ, ни въ типичности и жизненности дѣйствующихъ лицъ; впрочемъ и отъ „Горя отъ ума“ отличается „Ревизоръ“ отсутствіемъ вліянія французскихъ пьесъ, отсутствіемъ любовной завязки, а также исключительнымъ, видимымъ преобладаніемъ отрицательныхъ типовъ. Близкое знакомство со сценою, недоужинный сценическій талантъ и, главное, глубокое пониманіе значенія комедіи вообще заставили Гоголя отрѣшиться отъ принятыхъ условныхъ театральныхъ правилъ и выступить новаторомъ на драматическомъ поприщѣ. Вышеприведенныя отличительныя черты „Ревизора“ были немаловажною причиною безчисленныхъ нареканій на эту комедію; даже первое появленіе ея на сценѣ могло только состояться благодаря заступничеству императора Николая I: „Если бы не высокое заступничество Государя, ніеса моя не была бы ни за что на сценѣ“, пишетъ Гоголь Щепкину 29-го апрѣля 1836 года 2). Первое представленіе „Ревизора“ окончательно смутило и огорчило Гоголя: „Ревизоръ сыгранъ -- и у меня на душѣ такъ

1) Сочиненія Н. В. Гоголя. Изд. 10-е, подъ ред. Н. Тихонова. Москва 1889; т. IV, стр. 280.

2) Соч. и письма Н. В. Гоголя. Изд. П. А. Кулиша. Спб. 1857; т. V, стр. 254. — Соч. Н. В. Гоголь. Изд. 10-е, подъ ред. Н. Тихонова. М. 1889; т. II, стр. 789, 790.

смутно, такъ странно“¹⁾. Актеры не удовлетворили автора своею игрою, а публика большею частію совершенно не поняла смысла пьесы или, вѣрнѣе, всякій понялъ по-своему. Подавленный всевозможными упреками, обвиненіями и журнальными толками, Гоголь тотчасъ же принялся за замѣтки въ защиту „Ревизора“; эти первоначальныя замѣтки, эти наброски послужили ему въ 1842 году для сцены „Театральный разъѣздъ“, тѣсную связь которой съ „Ревизоромъ“ не отрицаетъ и Тихонравовъ. Въ 1846 году пишетъ Гоголь сцену „Развязка Ревизора“. Эти два произведенія — „Театральный разъѣздъ“ и „Развязка Ревизора“ — иллюстрируютъ какъ нельзя лучше глубокой смыслъ первой комедіи Гоголя. Устами нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ въ этихъ сценахъ даетъ авторъ ясныя, замѣчательныя отвѣты на всѣ навѣты, пересуды, упреки и обвиненія своихъ цѣнителей и судей.

Я ограничусь приведеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ этихъ отвѣтовъ.

Завязка любовная — „точный узелокъ на уголкѣ платка. Нѣтъ, комедія должна вязаться сама собою, всей своей массою, въ одинъ большой узелъ. Завязка должна обнимать всѣ лица, а не одно или два..... А завязать можетъ все: самый ужасъ, страхъ ожиданія, гроза идущаго вдали закона“²⁾.

„..... эта комедія вовсе не картина, а скорѣе фронтисписъ. Вы видите — и сцена и мѣсто дѣйствія идеальныя..... Только первая раздражительность приняла за личность то, въ чемъ нѣтъ и тѣни личности, и что принадлежитъ болѣе или менѣе личности всѣхъ людей. Это сборное мѣсто: отвсюду, изъ разныхъ угловъ

1) Соч. Н. В. Гоголя. Изд. 10-е, подъ ред. Н. Тихонравова. М. 1889; т. II, стр. 285, въ „Отрывкѣ изъ письма, писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора“ къ одному литератору“.

2) Соч. Н. В. Гоголя. Изд. 10-е..... т. II, стр. 487, 488, въ „Театр. разъѣздъ“ (2-й любит. иск.)

Россіи, стеклись сюда исключенія изъ правды, заблужденія и злоупотребленія, чтобы послужить одной идеѣ — произвести въ зрителѣ яркое, благородное отвращеніе отъ многаго кое-чего низкаго. Впечатлѣніе еще сильнѣй оттого, что никто изъ приведенныхъ лицъ не утратилъ своего человѣческаго образа: человѣческое слышится вездѣ. Оттого еще глубже сердечное содроганье..... если бы хотя одно лицо честное было помѣщено въ комедію, и помѣщено со всей увлекательностью, то уже всѣ до одного перешли бы на сторону этого честнаго лица и позабыли бы вовсе о тѣхъ, которые такъ испугали ихъ теперь“¹⁾.

„Развѣ все это накопленіе низостей, отступленій отъ законовъ и справедливости, не даетъ уже ясно знать, чего требуютъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость“²⁾?

„Въ ней [т. е. въ комедіи] сильнѣй и глубже всего поражено смѣхомъ лицемѣріе, благопристойная маска, подъ которою является низость и подлость....“³⁾.

„..... Даже хорошо то, что не выведенъ на сцену честный человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ: выстави ему при множествѣ дурныхъ сторонъ одну хорошую, онъ уже гордо выйдетъ изъ театра“⁴⁾.

„..... Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все продолженіе ея. Это честное, благородное лицо былъ — смѣхъ“⁵⁾.

„..... Несправедливы тѣ, которые говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противу которыхъ устремленъ...“⁶⁾.

1) Соч. Н. В. Гоголя. Изд. 10-е т. II, стр. 505, „Театр. р.“ (2-й зритель).

2) Тамъ же, стр. 488, „Театр. р.“ (2-й люб. иск.)

3) Тамъ же, стр. 490, (Очень скромно одѣтый человѣкъ).

4) Тамъ же, стр. 492, (Оч. скр. од. чел.)

5) Тамъ же, стр. 513, (Авторъ пьесы).

6) Тамъ же, стр. 514. (Авторъ пьесы).

„ Стремленіе къ прекрасному и высокому — вотъ искусство. Это непрѣмѣнный законъ искусства ; безъ этого искусство — не искусство. А потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ оно быть безнравственно Если выставишь всю дрянь, какая ни есть въ человѣкѣ, и выставишь ее такимъ образомъ, что всякій изъ зрителей получить къ ней полное отвращеніе, спрашиваю : развѣ это не похвала всему хорошему? спрашиваю : развѣ это не похвала добру? Не то дурно, что намъ показываютъ въ дурномъ дурное, и видишь, что оно дурно во всѣхъ отношеніяхъ ; но то дурно, если намъ выставляютъ его такъ, что не знаешь, злое ли оно, или нѣтъ ; то дурно, когда дѣлаютъ привлекательнымъ для зрителя злое ; то дурно, что мѣшаютъ его въ такой степени съ добромъ, что не знаешь, къ которой сторонѣ пристать ; то дурно, что доброе показываютъ намъ такимъ образомъ, что въ добрѣ не видишь добра“ ¹⁾.

„ Этотъ грѣхъ водится за всѣми модными драмами, которыми мы должны потѣшать публику . . . “ ²⁾.

„Всмотритесь - ка пристально въ этотъ городъ, который выведенъ въ піесѣ! Всѣ до одинаго согласны, что этакого города нѣтъ во всей Россіи : не слыхано, чтобы гдѣ были у насъ чиновники всѣ до одинаго такіе уроды ; хоть два, хоть три бываетъ честныхъ, а здѣсь ни одного. Словомъ такого города нѣтъ. Не такъ ли? Ну, а что, если это нашъ же душевный городъ, и сидитъ онъ у всякаго изъ насъ? Ревизоръ этотъ наша проснувшаяся совѣсть, которая заставитъ насъ вдругъ и разомъ взглянуть во всѣ глаза на самихъ себя“ ³⁾.

1) Соч. Н. В. Гоголя. Изд. 10-е т. II, стр. 345, „Развязка Ревизора“ (Николай Николаичъ).

2) Тамъ же, стр. 346. „Развязка Рев.“ (Первый ком. актеръ.)

3) Тамъ же, стр. 349, 350. „Разв. Рев.“ (Перв. ком. акт.)

„Не одну эту комедию, но все, что бы ни показалось изъ-подъ пера какого бы то ни было писателя, смѣющагося надъ порочнымъ и низкимъ, примемъ прямо на свой собственный счетъ, какъ бы оно именно было на насъ лично написано: все отыщешь въ себѣ, если только опустишься въ свою душу не съ Хлестаковымъ, но съ настоящимъ и неподкупнымъ ревизоромъ“¹⁾).

Такъ вотъ какой глубокой, тонко-психологической смыслъ вложенъ самимъ Гоголемъ въ „Ревизора“. При такой глубинѣ чувства и мысли можно примѣнить къ Гоголю слова, вложенныя имъ же въ уста двухъ дѣйствующихъ лицъ, т. е. можно сказать, что Гоголь, смѣявшійся, по мнѣнію многихъ, больше всѣхъ, часто проливалъ душевныя, глубокия слезы²⁾, и что смѣхъ Гоголя „не тотъ безпутный, которымъ пересмѣхаетъ въ свѣтѣ человѣкъ человѣка, который рождается отъ бездѣльной пустоты празднаго времени, но смѣхъ, родившійся отъ любви къ человѣку“³⁾).

Изображая въ „Ревизорѣ“ недостатки и пороки извѣстнаго класса русскаго общества въ извѣстное время, Гоголь этимъ же самымъ изобразилъ нравственный обликъ всѣхъ людей внѣ времени и пространства. Присущіе гоголевскимъ типамъ пороки не чужды и въ наше время ни сынамъ туманнаго Альбіона, ни странѣ, провозгласившей впервые права человѣка, ни народу поэтовъ и мыслителей, ни странѣ долларовъ.

Своимъ „Ревизоромъ“, своими „Мертвыми душами“ и другими произведеніями Гоголь вступаетъ въ ряды тѣхъ писателей, которые не въ презрѣніи къ ближнимъ, не въ киваніи то на Ѳедота, то на Петра, но въ познаніи самого себя, въ самоусовершенствованіи отдѣльной человѣческой

1) Тамъ же, стр. 352. „Разв. Рев.“ (Пер. ком. акт.)

2) Ср. послѣднія слова Автора пьесы въ „Театр. раз.“, соч. Н. В. Гоголя. Изд. 10-е.... т. II, стр. 516.

3) „Развязка Ревизора“, слова Пер. ком. актера, соч. Н. В. Гоголя. Изд. 10-е.... т. II, стр. 352.

личности видятъ единственныйъ путь къ оздоровленію того или другого общества и къ постепенному, возможному совершенству всей человѣческой семьи.

Перехожу къ существенной части моего доклада, а именно къ сообщеніямъ объ исполненіи произведеній Гоголя на юрьевскихъ сценахъ.

Материалами для этихъ сообщеній послужили мнѣ многочисленныя газетныя замѣтки, сохранившіяся объявленія и афиши, рассказы прежнихъ исполнительницъ и исполнителей, а также личныя воспоминанія.

Только 35 лѣтъ тому назадъ возвращено было городу Юрьеву, бывшему Дериту, право допускать у себя въ извѣстное время года, т. е. во время лѣтнихъ и зимнихъ ваканцій, публичныя театральныя представленія пріѣзжихъ актеровъ¹⁾, а въ 1870 году воздвигается для нѣмецкихъ театральныхъ представленій въ саду Ремесленнаго Общества на средства частныхъ лицъ лѣтній театръ, рассчитанный на 800

1) До 1802 года странствующія труппы актеровъ имѣли право давать въ городѣ представленія во всякое время года. Для этой цѣли приспособилъ даже городской архитекторъ Бэйэрлэ (Baerle) въ концѣ XVIII столѣтія принадлежавшее ему по нынѣшней Александровской улицѣ зданіе [на грунтѣ за № 108; въ домѣ этомъ — № 33 —, измѣнившемъ нѣсколько свой внѣшній видъ и принадлежащемъ г-жѣ Козловой, помѣщается въ настоящее время фабрика минеральныхъ водъ Р. А. Редлиха и Ко.]; залъ имѣлъ партеръ и ложи и вмѣщалъ, судя по внѣшнимъ размѣрамъ дома, не болѣе 200 человѣкъ.

Со времени открытія университета такія представленія были запрещены; все же до 1812 года играютъ изрѣдка нѣмецкіе актеры въ вышеупомянутомъ зданіи во время университетскихъ каникулъ. Въ 1812 году происходятъ безпорядки въ театрѣ, вслѣдствіе чего въ теченіе слѣдующихъ 55 лѣтъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія не разрѣшались въ чертѣ города театр. представленія профессиональныхъ артистовъ. Только въ 1867 году вновь допускаются въ самый городъ на основаніи Высочайшаго же повелѣнія публичныя театральныя представленія заправскихъ актеровъ.

человѣкъ зрителей¹⁾. До этого времени, т. е. съ 1812 до 1867 года, театръ былъ въ загонѣ, и музы Талія и Мельпомена принуждены были ютиться или вблизи загородныхъ корчемъ или въ частныхъ домахъ и въ тѣсныхъ общественныхъ кружкахъ. Даже послѣ 1870 года нѣмецкая публика была осуждена весною, осенью и зимою посѣщать почти исключительно любительскіе спектакли. Что касается русской части публики, то она еще дольше принуждена была довольствоваться одними любительскими спектаклями, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, первая труппа русскихъ профессиональныхъ артистовъ появилась въ Юрьевѣ въ 1890 году²⁾, и только въ самое послѣднее время оказались возможными гастроли даже первоклассныхъ русскихъ сценическихъ дѣятелей.

Первыми пионерами на поприщѣ русскихъ любительскихъ спектаклей были русскіе студенты, офицеры - топографы³⁾ и представители мѣстнаго русскаго купечества.

1) По поводу открытія лѣтняго театра (21-го іюня 1870 г.) въ саду нѣмецкаго Ремесленнаго Общества одна изъ мѣстныхъ газетъ „Neue Dörptsche Zeitung“ [№ 141, 22 VI 70], отмѣчаетъ высокое значеніе этого происшествія: „Halten wir uns noch so fern jeder Uebertreibung: wir können nicht umhin, die gestrige Eröffnung des Sommertheaters im Garten des Handwerker-Vereins als ein Ereigniss von folgenreichster Bedeutung für unsere Stadt zu bezeichnen — auf dem Gebiete des socialen Lebens zum Mindesten wüssten wir nichts, was, abgesehen von der Gründung unseres Handwerker-Vereins, von gleicher Bedeutung hier während des letzten Jahrzehnts ins Leben getreten wäre“.

2) Это подтверждается также нѣмецкою мѣстною газетою „Neue Dörptsche Zeitung“, которая пишетъ въ своемъ отзывѣ (№ 264) о первомъ спектаклѣ, состоявшемся 14-го ноября 1890 года, между прочимъ слѣдующее: „Wohl ist unserer Stadt in den letzten Jahren häufiger Gelegenheit geboten worden, Theater-Vorstellungen in russischer Sprache beizuwohnen. Das waren Vorstellungen zu wohithätigem Zwecke von Liebhabern gegeben, deren Leistungsfähigkeit wiederholt anerkannt worden ist. Gegenwärtig nun sehen wir zum ersten Male in unserer Stadt Künstler von Profession, die aus St. Petersburg herübergekommen sind, uns drei dramatische Vorstellungen im Saale der Bürgermusse zu geben.“

3) Офицеры-топографы дали на пасхальной недѣлѣ 1858 года

Уже знаменитый хирургъ Пироговъ упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ одномъ домашнемъ любительскомъ спектаклѣ въ началѣ 30-хъ годовъ, а именно о представленіи „Недоросля“, въ которомъ онъ самъ съ уснѣхомъ изобразилъ Митрофанушку¹⁾).

Всѣ русскіе любительскіе спектакли, за исключеніемъ безплатныхъ домашнихъ и ученическихъ, а также платныхъ клубныхъ представлений, давались съ благотворительною цѣлью, а пьесы для этихъ спектаклей выбирались, насколько это было возможно, изъ классическихъ и вообще изъ лучшихъ драматическихъ произведеній русской литературы, такъ, напр., были играны нѣкоторыя изъ произведеній Гоголя, Островскаго, комедія „Горе отъ ума“ Грибоѣдова, „Свадьба Кречинскаго“ Сухова-Кобылина, „Маскарадъ“ Лермонтова и др.

Что касается обстановки пьесъ, то, разумѣется, нельзя было предъявлять къ ней большихъ требованій, а приходилось считаться съ тѣмъ, что имѣлось и что возможно было сдѣлать при тѣхъ скудныхъ средствахъ, которыми располагали русскіе любители; впрочемъ и нѣмецкій постоянный лѣтній театръ не могъ и не можетъ похвастаться въ большинствѣ случаевъ подходящею къ требованіямъ авторовъ пьесъ обстановкою.

Изъ драматическихъ произведеній Н. В. Гоголя были даваемы „Ревизоръ“, „Женитьба“ и „Тяжба“; кромѣ того были представлены „Записки сумасшедшаго“ въ сокращеніи Андреева-Бурлака; изъ „Мертвыхъ душъ“ были читаны отдѣльные отрывки. — Русскими исполнителями были большею частью любители; только одинъ разъ былъ сыгранъ „Ревизоръ“ пріѣзжею труппою петер-

въ домѣ № 6/3, находящемся на углу Рыцарской и Бочарной улицъ въ квартирѣ г. Медвѣдева 4 спектакля. Были ли между сыгранными пьесами произведенія Гоголя — къ сожалѣнію, не извѣстно. [Общая замѣтка объ этихъ спектакляхъ имѣется въ „Inland“ за 1858 г., въ № 14. ст. 229].

1) См. „Рус. Стар.“ 1885 г., т. XLV, стр. 506.

бургскихъ артистовъ и одинъ разъ были изображены „Записки сумасшедшаго“ профессиональнымъ актеромъ. — Два нѣмецкихъ представленія „Ревизора“ были даны исключительно артистами. — Три представленія „Женитьбы“ на эстонскомъ языкѣ дала труппа директора Виры, состоящая преимущественно изъ любителей.

Судя по газетнымъ даннымъ ¹⁾, русскіе студенты сыграли въ началѣ 1859 года „Женитьбу“ и „Ревизора“ въ верхнемъ залѣ общества „Ressource“ ²⁾ въ пользу мѣстнаго пріюта для русскихъ дѣвочекъ. Афиши этихъ спектаклей не сохранились; въ этихъ представленіяхъ принималъ участіе въ качествѣ режиссера и исполнителя извѣстный русскій писатель П. Д. Боборыкинъ, бывшій въ то время студентомъ университета ³⁾.

1) Въ „Inland“ 1859 г., № 10, 9 III, ст. 199, послѣ сообщенія о благотворительномъ концертѣ въ актовомъ залѣ университета въ пользу основанія пріюта для русскихъ дѣвочекъ прибавлено слѣдующее: „Euterpe und Melpomene aber durften nicht allein die Schutzgeister unserer Russ. Armen werden; auch Thalia sollte den Bund der Charitinnen schmücken, und durch zwei Vorstellungen in dem gefälligst bewilligten, zum Theaterlocale eingerichteten, oheren Saale der Ressource bewiesen unsere Studierenden Russ. Nation, dass auch sie den Kunstgenuss mit dem Sinn für Wohlthätigkeit zu vermählen wissen. Aufgeführt wurden die „Hochzeit“ von Gogol und der „Revisor“ von Gogol“.

Въ „Остзейскомъ Вѣстникѣ“ 1859 г., № 30, 14 III, имѣется объ этомъ тоже замѣтка: „Сверхъ того [т. е. концерта] въ залѣ дерптской рессуры было дано тамошними русскими студентами два театральныя представленія въ пользу того же заведенія, а именно „Свадьба“ [sic!] Гоголя и „Ревизоръ“ того же самаго автора“.

2) Нѣмецкое общество „Ressource“ [помощь, нособіе, прибѣжище], замѣнившее 18 октября 1835 года общество „alte Musse“ или „grosse Musse“ [„Musse“ значитъ „досугъ“, а здѣсь — „клубъ“] и сдѣлавшееся владѣльцемъ дома этой Муссы [Большой Рынокъ, № 13], устроило въ пятидесятихъ годахъ въ верхнемъ залѣ небольшую сцену, на которой подвизались въ теченіе 18—20 лѣтъ нѣмецкіе и русскіе любители драматическаго искусства. Зало съ балкончикомъ вмѣщало не болѣе 200 человекъ.

3) Это подтверждается не только разсказами современниковъ,

За періодъ времени съ 1859 по 1872 годъ нѣтъ никакихъ точныхъ извѣстій о дѣятельности русскихъ любителей сценическаго искусства. — Г-жа Невдачина, сама неоднократно принимавшая участіе въ русскихъ любительскихъ спектакляхъ, сообщила мнѣ, что она номнитъ одно представленіе „Ревизора“, въ которомъ студентъ Степанъ Волковъ игралъ Хлестакова. Судя по „Album Academicum“¹⁾, это представленіе не могло быть раньше начала 60-хъ годовъ. Въ этомъ же представленіи исполнялъ роль Маріи Антоновны гимназистъ одного изъ высшихъ классовъ мѣстной гимназіи²⁾.

Благодаря сохранившимся афишамъ видно, что **10-го апрѣля 1873** года была сыграна „Женитьба“ Гоголя, а **2-го декабря** того же года „Ревизоръ“. Оба представленія состоялись въ верхнемъ залѣ общества „Ressource“³⁾.

но и С. А. Венгеровымъ въ его Критико-Биографическомъ Словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ. Г. Венгеровъ говоритъ въ т. IV, стр. 196, что во время студенчества П. Д. Боборыкина въ Юрьевскомъ (тогда Дерптскомъ) университетѣ ясно опредѣлились его литературныя стремленія и что онъ пожелалъ испытать себя на литературномъ поприщѣ. „Ближайшій поводъ дали товарищескія сборища 1858—59 гг., на которыхъ ставились, съ благотворительною цѣлью, цѣликомъ и въ отрывкахъ пьесы Гоголя, Островскаго, „Горе отъ ума“. П. Д. былъ режиссеромъ и однимъ изъ актеровъ. Подъ вліяніемъ этихъ постоянныхъ театральныхъ впечатлѣній онъ въ 1858 г. написалъ свою первую пьесу — „Шила въ мѣшкѣ не утаишь (въ переработкѣ „Фразеры“. Не напечатано)“.

1) Подъ № 7367 значится въ Alb. Acad. Степанъ Волковъ, изъ Москвы, род. 29 янв. 1843 г., изучалъ кам. н. съ 1861—1865 г., кончилъ канд. въ 1866 г., былъ чиновникомъ въ Вильнѣ, а потомъ мир. суд. въ Порховскомъ у. Псков. губ. † 29 янв. 1877 г.

2) Гимназистъ, изъ русской дворянской семьи, игралъ съ особаго разрѣшенія гимназическаго начальства, уступившаго просьбамъ нѣкоторыхъ знакомыхъ студентовъ. Выборъ гимназиста для роли Маріи Антоновны указываетъ также на похвальное стремленіе русскаго суденчества возможно лучше замѣнить настоящихъ исполнительницъ дамскихъ ролей, отсутствіе которыхъ [т. е. исполнительницъ женск. ролей] было однимъ изъ недостатковъ русскихъ любительскихъ спектаклей того времени.

3) О представленіи „Женитьбы“ 10-го апрѣля объявленія въ газетѣ нѣтъ; о представленіи 2-го декабря объявленіе въ газетѣ хотя и имѣется, но пьеса въ немъ не обозначена.

„Женитьбу“ играли исключительно лица, принадлежавшая къ купеческому сословію, при чемъ женскія роли тоже исполнялись мужчинами. Фамиліи почти всѣхъ г-дѣ любителей отпечатаны на афишѣ¹⁾. Еще 10 лѣтъ послѣ этого представленія мнѣ передавали, что особенно удачно былъ изображень г-мъ Поповымъ типъ свахи.

„Въ „Ревизорѣ“ участвовали, кромѣ студентовъ, учителя и купцы; обѣ главныя женскія роли были исполнены въ первые дамами мѣстнаго русскаго общества²⁾. По свидѣтельству видѣвшихъ этотъ спектакль пьеса была сыграна замѣчательно хорошо. Многочисленная, избранная публика осталась очень довольна; присутствовалъ на представленіи тогдашій попечитель учебнаго округа, а также многіе изъ нѣмецкихъ профессоровъ посѣтили русскій спектакль.

Семь лѣтъ спустя, **18-го февраля 1880 года** „въ залѣ гимнастическаго заведенія [in der Turnhalle]“³⁾ былъ данъ „Ревизоръ“ съ благотворительною цѣлью воспитанниками I учительской семинаріи подъ управленіемъ преподавателя русскаго языка г. Гуйскаго. Афиша не сохранилась. Всѣ исполнители были инородцы, и нужно было только удивляться,

1) Агафья Тихоновна — М. П. Маевскій; Арина Пантелеймоновна — А. И. Селюгинъ; Ѳекла Ивановна — П. А. Поповъ; Подколесинъ — А. В. Клементьевъ; Кочкаревъ — К. А. Барзовъ; Яичница — П. Н. Безносозъ; Анучкинъ — Ф. Ѳ. Лисенковъ; Жевакинъ — М. П. Безродный; Дуняшка — М. К. Норкинъ; Стариковъ — Н. И. Калетовъ; Степанъ — не извѣстно кто.

2) Анна Андреевна — г-жа Невдачина; Марья Антоновна — г-жа Тайлова; городничаго игралъ студ. Машковцевъ; онъ же сыгралъ слесаршу; Хлестакова — студ. Хэйдэнрэйхъ; Осипа — г. Махотинъ; почтмейстера — г. Жуковъ; Судью — студ. Нольдэ; Землянику — студ. Борткевичъ; Бобчинскаго — г. Поповъ; Добчинскаго — г. Калетовъ; Гибнера — г. Мазингъ; кто игралъ Хлопова — я не могу узнать.

3) Зданіе тогдашняго „гимнастическаго заведенія“, называвшееся по-нѣмецки просто „Turnhalle“, въ 1890 году перестроено для помѣщенія въ немъ Городскаго Полицейскаго Управленія (на Компанейской улицѣ). До перестройки зданіе состояло изъ гимнастическаго зала, передней и небольшого балкона на одной сторонѣ зала; высота зала — около 2¹/₂ саж.; залъ съ балкономъ

съ какою точностью былъ заученъ текстъ комедіи и съ какимъ вниманіемъ отнеслись исполнители къ режиссерскимъ указаніямъ своего преподавателя.

Тѣми же исполнителями была бойко сыграна **28-го февраля** того же года „Женитъба“ Гоголя въ залѣ Ремесленнаго Общества¹⁾.

Въ **1882** году **5-го февраля** былъ данъ студентами университета и ветеринарнаго института въ залѣ общества „Bürgermusse“²⁾ второй спектакль въ пользу недостаточныхъ студентовъ подѣ управленіемъ проф. П. А. Висковатова и стараго театрала П. А. Попова, оказавшихъ своимъ содѣйствіемъ большую пользу русскимъ любительскимъ спектаклямъ.

вмѣщаль во время театральныхъ представленій не болѣе 350 человекъ. Небольшое свободное пространство за задними кулисами замѣняло г-дамъ исполнителямъ уборныя. Участіе дамъ въ представленіяхъ, которыя давались въ „Tugnhalle“, было уже вслѣдствіе отсутствія уборныхъ невысказано.

1) Нѣмецкое Ремесленное Общество, основанное въ 1861 году, находится съ 1868 года на Прудовой улицѣ въ собственномъ помѣщеніи. Залъ общества съ окнами на улицу и въ садъ, не особенно большой, не высокъ и вмѣщаетъ при театральныхъ представленіяхъ не болѣе 150 человекъ.

2) Общество „Bürgermusse“ (мѣщанская мусса, мѣщанскій клубъ) было основано въ 1791 году и до 1814 занимало себѣ помѣщенія. Въ концѣ 1814 года оно купило каменный домъ, принадлежавшій барону ф. Вольффу, по нынѣшней Ново-Рыночной улицѣ [эта улица называлась до 1814 года „Русскій Рынокъ“—„Russischer Markt“]. Въ 1880 году старое зданіе подверглось капитальной перестройкѣ, при чемъ залъ былъ расширенъ и вмѣщаль уже вмѣстѣ съ балкономъ 400 человекъ. Насколько я помню, русскіе студенты первые начали давать публичныя представленія въ 1882 г. въ залѣ общ. „Bürgermusse“. До нихъ были представленія только для членовъ и для вводимыхъ ими гостей. Нѣмецкіе студенты играли или въ „Ressource“ или же главнымъ образомъ въ „Academische Musse“ (Академическій клубъ). — Постановка спектаклей въ 1882 г. въ „Bürgermusse“ причиняла русскимъ студентамъ множество хлопотъ: само общество давало только возвышеніе [около 20 □ саж.], кулисы же, занавѣсъ, мебель и лампы для сцены (газъ былъ проведенъ на сцену только въ 1891 году) нужно было брать на прокатъ или просить у знакомыхъ; ко всему этому присоединялось еще одно затрудненіе, а именно отказъ дамъ мѣстнаго русскаго общества участвовать въ первыхъ спектакляхъ, данныхъ въ „Bür-

На спектакль 5-го февраля была между прочим представлена въ первый разъ сцена Гоголя „Тяжба“ [Пролетова игралъ студ. Змигородскій; Бурдюкова — студ. Романовъ; Лакея — студ.-вет. Чудиновъ].

19-го ноября 1882 г. былъ данъ тѣмъ же кружкомъ студентовъ подѣ управленіемъ тѣхъ же лицъ въ залѣ общества „Bürgermusse“ „Ревизоръ“. Въ этомъ спектаклѣ за отсутствіемъ дамъ пришлось выпустить сцены съ унтеръ-офицерской женой и со слесаршей¹⁾. — Мѣстная нѣмецкая газета назвала это представленіе въ общемъ весьма удачнымъ²⁾.

germusse“: тогда считали еще неприличнымъ для дамы выступать на подмосткахъ мѣщанскаго клуба. [По прошествіи какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ, т. е. послѣ прекращенія сдачи въ наемъ университетскаго актовaго зала, а также послѣ закрытія „Academische Musse“ залъ общ. „Bürgermusse“ дѣлается излюбленнымъ мѣстомъ не только для нѣмецкихъ студенческихъ спектаклей, но и для концертовъ, баловъ и представлений всѣхъ слоевъ мѣстнаго нѣмецкаго общества!] Во избѣжаніе каррикатурности при замѣнѣ дамы мужчиною русскому студенчеству пришлось приглашать изъ Петербурга нѣсколькихъ знакомыхъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ для участія въ первыхъ спектакляхъ. Черезъ полгода появляются женатые студенты, да и дамы мѣстнаго русскаго общества соглашаются играть и въ „Bürgermusse“, такъ что, напр., въ первомъ представленіи комедіи „Горе отъ ума“ въ декабрѣ 1883 года участвуютъ 11 дамъ.

Въ 1883 году университетскій преподаватель танцевъ, г. Эберхардтъ, бывший драматическій артистъ Юлѹсъ, изготовилъ для пожарнаго общества 6 перемѣнъ декораций, приспособленныхъ къ залу общ. „Bürgermusse“ и сдававшихся въ наемъ вмѣстѣ съ заломъ. Въ 1891 году, по поводу столѣтія со дня основанія общества, была пристроена сцена, вслѣдствіе чего залъ [ок. 68 !] саж. при вышинѣ въ 23¹/₃ фут.] съ балкономъ сталъ вмѣщать уже 600 человекъ зрителей. Для новой сцены были написаны 5 новыхъ декораций и новый занавѣсъ декораторомъ г. Розенбергомъ. Плата за наемъ зала подѣ русскіе спектакли безъ танцевъ повысилась уже въ концѣ 80-хъ годовъ до 75 рублей. Только съ открытіемъ концертно-театр, зала „Новый театр“ наемная плата была понижена.

1) Главныя роли были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: Городничій — студ. Черноцкій; Хлоповъ — студ. Халлеръ; Тяпкинъ - Ляпкинъ — студ.-вет. Рудневъ; Земляника — студ.-вет. Жарко; Шпекинъ — студ. Лихтерманъ; Хлестаковъ — студ. Змигородскій; Осипъ — студ.-вет. Чудиновъ; Анна Андреевна — г-жа Лихтерманъ; Марья Антоновна — г-жа Гурьянъ.

2) Эта замѣтка имѣется въ рецензіи, касающейся предста-

Черезъ годъ, **22-го ноября 1883 года** на сценѣ общества „Bürgermusse“ была поставлена студентами при участіи дамъ мѣстнаго русскаго общества „Женитьба“¹⁾. Изъ главныхъ ролей лучше всѣхъ были г-жа Невдачина — Оекла и студ. Черноцкій — Подколесинъ, а изъ второстепенныхъ лицъ — студ. Шиле-Анучкинъ.

14-го декабря того же года, въ день перваго представленія всей комедіи „Горе отъ ума“ въ залѣ „Bürgermusse“ была повторена сцена „Тяжба“ съ прошлогодними исполнителями.

Въ 1886 году былъ основанъ въ г. Юрьевѣ учителями Русскій Семейный Учительскій Кружокъ „Родникъ“, преобразованный по прошествіи 10 лѣтъ въ существующее понынѣ Юрьевское Семейное Общественное Собраніе „Родникъ“. Вотъ въ этомъ кружкѣ „Родникъ“, имѣвшемъ въ своемъ новомъ помѣщеніи по Рыночной улицѣ (въ домѣ Матисена на углу Лодейной ул.) небольшую сцену, состоялись **6-го и 7-го ноября 1887 года** 2 первыхъ спектакля, поставленныхъ членами и гостями названнаго кружка. Пьесой для этихъ спектаклей была выбрана „Женитьба“ Гоголя²⁾. Разучена была пьеса очень старательно; особенно типичными вышли: изъ женскихъ ролей сваха, а изъ мужскихъ Яичница, Подколесинъ и Жевакинъ.

На домашней сценѣ у проф. Висковатова были исполнены въ **1889 году**: 1) **8-го и 28-го марта** сцена Гоголя „Тяжба“ при чемъ роль Пролетова игралъ прежній испол-

вленія драмы Лермонтова „Маскарадъ“; „Neue Dörptsche Ztg.“ 1882 г. № 276.

1) Агафья Тихоновна — г-жа Спиро; Арина Пантелеймонова — г-жа Свензинская; Оекла — г-жа Невдачина; Дуняша — г-жа Махотина; Подколесинъ — студ. Черноцкій; Кочкаревъ — студ. Фейтъ; Жевакинъ — г. Свензинскій; Яичница — студ. - вет. Ицковичъ; Стариковъ — студ. - вер. Мазингъ; Анучкинъ — студ. Шиле.

2) Агафья Тихоновна — г-жа М. Зоргенфрэй; Арина — г-жа Н. Зоргенфрэй; Оекла — г-жа Павлова; Подколесинъ — студ. Черноцкій; Кочкаревъ — г. Змигродскій; Яичница — г-нь Т.; Же-

нитель, а Бурдюкова — г. Алексѣевъ; 2) **10-го марта** исполнилъ И. Змигродскій два монолога изъ „Записокъ сумасшедшаго“ [„Ноября 6-го“ и послѣдній]; 3) 10-го же марта была сыграна сцена между Хлестаковымъ и Гибнеромъ [Хлестаковъ — г. Алексѣевъ; Гибнеръ — г. Змигродскій], а также сцена между Хлестаковымъ и слесаршею [Хлестаковъ — г. Алексѣевъ, слесарша — г. Змигродскій]; 4) **20-го марта** исполнилъ г. Алексѣевъ монологъ Кифы Мокіевича изъ „Мертвыхъ душъ“.

22-го апрѣля 1890 года въ залѣ общества „Bürger-musse“ былъ вновь поставленъ „Ревизоръ“¹⁾. Мѣстная печать осталась довольна исполненіемъ комедіи. „Рижскій Вѣстникъ“, отмѣчая вполне справедливо 1) отсутствіе между любителями большого числа опытныхъ и удовлетворительныхъ исполнителей, какое требуется для вполне успѣшной постановки „Ревизора“, и 2) то обстоятельство, что въ распоряженіи любителей было очень мало времени для подготовки, все-таки приходитъ къ заключенію, что „пьеса, за нѣкоторыми исключеніями прошла довольно гладко“²⁾. Нѣмецкая мѣстная газета „Neue Dörptsche Zeitung“ помѣстила тоже очень сочувственный отзывъ, въ которомъ особенно хвалить игру г. Павлова (Хлестаковъ) и г. Старовѣркина (Городничій)³⁾.

вакинъ — г. Павловъ; Анучкинъ — г. Трутневъ (псевд.); Стариковъ — г. Чуркинъ (псевд.); Степанъ — г. Ивановъ.

1) Главныя роли были распределены слѣдующимъ образомъ: Городничій — студ. Старовѣркинъ; Анна Андреевна — г-жа Шмидтъ; Марья Антоновна — г-жа М. А. Зоргенфрэй; Хлоповъ — г. Трутневъ (псевд.); Тяпкинъ-Ляпкинъ — г. Лафинъ; Земляника — студ. Гинцбургъ; Шпекинъ — г. Девиль; Добчинскій — г. Ралетовъ; Бобчинскій — студ. Лѣсовой; Хлестаковъ — г. Павловъ; Осипъ — г. Чуркинъ (псевд.).

2) „Рижскій Вѣстникъ“ 1890 года, № 92.

3) „Neue Dörptsche Zeitung“ 1890 г., № 92: „.... Zunächst war unverkennbar die Regie eine wohldurchdachte und überaus sorgfältige: von ganz vereinzeltten kleinen Stockungen abgesehen. „klappte“ Alles bestens..... Vor Allem aber lagen die Hauptrollen in den

Во второй половинѣ 90-хъ годовъ были исполнены на литературно-музыкальномъ ученическомъ вечерѣ учениками Юрьевского Реального Училища съ большимъ стараніемъ сцены и монологи изъ пьесы Гоголя „Женитьба“.

Въ **1899** году **9-го апрѣля** на оперно-драматическо-музыкальномъ вечерѣ, данномъ отъ имени Юрьевского Семейнаго Общественнаго Собранія „Родникъ“ въ концертно-театральномъ залѣ „Новый театр“¹⁾ исполнилъ г. Горяевъ „Записки сумасшедшаго“, соч. Н. В. Гоголя, въ сокращеніи Андреева-Бурлака.

besten Händen — so zunächst die des Helden des Stückes, des Pseudo-Revidenten Chlestakow. Es war eine prächtig einheitliche Figur, die uns in diesem leichtsinnigen Windbeutel, sorglosen Schwindler und unhändigen Renommisten aus der Residenz vorgeführt wurde, der ohne Ahnung von der ihm zugesprochenen Würde die Rubel und das sonstige ihm zufallende Gute nonchalant nimmt, wo er es gerade hekommt; sehr angenehm berührte es bei der Zeichnung dieser Charakterfigur, dass gröbere Striche, zu welchen namentlich der dritte Act in der grossen Scene nach dem Frühstück hätte geben können, sorglich vermieden wurden. Das Nämliche gilt von der nächst Chlestakow wichtigsten Partie des Stadt-Tyrannen Anton Antonowitsch, die in besten Händen lag“.

1) Мой концертно-театральный залъ „Новый театр“ построены мною въ 1892 году. Составленіе плана по моимъ указаніямъ, а также надзоръ за возведеніемъ постройки были поручены университетскому архитектору г. Р. Гулеке, устройство же сцены и изготовленіе декораций взялъ на себя талантливый мѣстный живописецъ-декораторъ г. К. Розенбергъ, работавшій уже въ 1891 году для „Bürgermusse“. — „Новый театр“ представляетъ собою почти трехэтажное каменное зданіе и имѣетъ кромѣ зала и сцены еще 14 помѣщеній. Фойе состоитъ изъ 7 комнатъ, находящихся въ деревянномъ домѣ на каменномъ фундаментѣ; этотъ домъ примыкаетъ непосредственно къ каменному зданію и принадлежалъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ извѣстному русскому писателю графу В. Соллогубу. Всѣ помѣщенія освѣщаются газомъ. Отапливается „Новый театр“ отчасти коксомъ, отчасти же дровами. Залъ [около 40 □ саж. при выш. въ 23²/₃ фут.] съ небольшимъ балкономъ вмѣщаетъ 350 человекъ. При „Новомъ театрѣ“ имѣется садъ. Сцена (25 □ саж. при выш. въ 5 саж.) имѣетъ 2 занавѣса и около 40 декораций. Декорации большею частью арочной системы и поднимаются, какъ и занавѣсы, цѣликомъ наверхъ. На сценѣ два спуска. — Главной

Осенью 1900 года ученики Юрьевского Городского Училища представили въ залѣ училища первый актъ „Ревизора“.

Въ томъ же училищѣ подѣ управленіемъ преподавателя Сироткина были исполнены учениками: а) **8-го декабря 1901 года**, въ день освященія новаго училищнаго зала, „Женитьба“ и отрывки изъ ком. „Ревизоръ“; б) **въ февралѣ 1902 года** по поводу пятидесятилѣтія со дня кончины Н. В. Гоголя отрывки изъ „Ревизора“.

9-го февраля 1902 года былъ данъ въ Юрьевскомъ Семейномъ Общественномъ Собраніи „Родникъ“¹⁾ литературно - вокально - музыкальный вечеръ, посвященный памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. На этомъ вечерѣ, были прочитаны; 1) г-жами Мошарскою и Кувичинскою: Разговоръ дамы пріятной съ дамою пріятною во всѣхъ отношеніяхъ;

2) г-мъ Горенко: Монологъ изъ „Мертвыхъ душъ“;

3) г-ми Никольскимъ и Горенко: сцена „Тяжба“.

25-го марта 1902 года состоялся въ Юрьевскомъ Реальномъ Училищѣ литературный вечеръ въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, на которомъ была очень живо разыграна пьеса Гоголя „Женитьба“. Исполнителями были

цѣлью при постройкѣ „Новаго театра“ было — дать возможность всѣмъ артистамъ и любителямъ во всякое время года за недорогую и для всѣхъ равную плату имѣть удобное и, какъ для театраль-ныхъ представлений, такъ и для концертовъ и вечеровъ по возможности приспособленное зданіе.

1) Юрьевское Семейное Общественное Собраніе „Родникъ“ находится въ настоящее время въ домѣ ф. Лиліенфельда по Рижской улицѣ. Оно занимаетъ нижній этажъ дома. Въ томъ же залѣ, въ которомъ состоялся 9-го февраля 1902 г. вечеръ, посвященный памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, были поставлены въ 1883 году по поводу 100-й годовщины дня рожденія В. А. Жуковского для избраннаго кружка зрителей живыя картины изъ переведенной Жуковскимъ повѣсти Лямоттъ - Фука „Ундина“. Домъ ф. Лиліенфельда занимала въ то время семья сенатора Сабурова, бывшаго попечителя Дерптскаго учебнаго округа и министра народнаго просвѣщенія.

большею частію ученики. Двѣ женскія роли [Аг. Тих. и Ар. Пант.] взяли на себя двѣ дамы мѣстнаго русскаго общества, а роль Кочкарева исполнилъ одинъ изъ преподавателей.

Этому довольно длинному ряду русскихъ любительскихъ спектаклей можно противопоставить только два спектакля, на которыхъ исполнялись профессиональными русскими артистами произведенія Гоголя.

Въ **1890 году, 18-го ноября**, прочелъ въ костюмѣ при обстановкѣ въ залѣ „Bürgermusse“ артистъ Денисовъ „Записки сумасшедшаго“, соч. Н. В. Гоголя, въ сокращеніи Андреева-Бурлака, а 10 лѣтъ спустя **27-го января 1900 года** „труппою С.-Петербургскихъ драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ и съ участіемъ артиста К. А. Гарталова-Карчанскаго“ былъ данъ на сценѣ „Новаго театра“ „Ревизоръ“. Труппа состояла изъ мелкихъ артистическихъ силъ¹⁾, и исполненіе безсмертной комедіи было посредственное.

Перечисливъ такимъ образомъ спектакли русскихъ любителей и русскихъ артистовъ, мнѣ остается еще коснуться изображенія произведеній Гоголя на нѣмецкой и эстонской сценахъ.

Въ нѣмецкомъ переводѣ давался у насъ только „Ревизоръ“, и давался онъ два раза.

Первое представленіе для городского населенія состоялось **22-го іюня 1866 года**²⁾ не въ самомъ городѣ, а въ одной

1) Главныя роли были распределены слѣдующимъ образомъ: Городничій — г. Темиревъ; Анна Андреевна — г-жа Стрѣлецкая; Марья Антоновна — г-жа Казбичъ; Хлоповъ — г. Словакъ; Судья — г. Инсаровъ; Земляника — г. Шабельскій; Почтмейстеръ — г. Бронскій; Добчинскій — г. Михайловъ; Бобчинскій — г. Оболенскій; Хлестаковъ — г. Гарталовъ-Карчанскій; Осипъ — г. Кальверъ.

2) Въ газетныхъ объявленіяхъ напечатано: „Mittwoch, den

верстѣ отъ города вблизи корчмы „Бѣлый конь“ [„Zum weissen Ross“] или „Novum“ на сценѣ давно исчезнувшаго съ лица земли досчатаго театра, гдѣ играла нѣмецкая труппа подъ управленіемъ директора Нилица [Nielitz]¹⁾; второе же — пять лѣтъ спустя, **13 августа 1871 года**²⁾ на сценѣ

22. Juni с. zum ersten Mal: Der Revisor oder das Incognito, Ревизоръ или Инкогнито, Lustspiel in 3 Acten, nach Gogol's „Revisor“ aus dem Russischen frei bearbeitet von Albert Junkelmann. [Repertoirstück sämmtlicher russ. Bühnen]“. Ср. Dörptsche Ztg. 1866 г. № 139; Neue Dörptsche Ztg. 1866 г. № 141.

1) Тяготѣвшее съ 1812 года надъ городомъ запрещеніе театра побудило въ 1857 году директора Нилица давать представленія въ загородной корчмѣ „Бѣлый конь“ — [„Zum weissen Ross“ — или „Novum“, какъ называли ее студенты], принадлежащей къ граничащему съ городомъ имѣнію „Tschelfer“. Верхній залъ [16½ □ саж. при вышинѣ въ 13 фут.] корчмы былъ избранъ мѣстомъ дѣйствія. Тамъ, на небольшой зальной сценкѣ, давала представленія труппа дир. Нилица въ теченіе лѣта 1857 года. Но уже въ 1858 году обратился г. Нилицъ черезъ г. Бауэра, управляющаго имѣніемъ „Tschelfer“ и завсегдатая театра, къ владѣльцу имѣнія съ просьбою построить лѣтнее театральное зданіе. Г. Бауэру удалось уговорить владѣльца имѣнія, и въ короткое время на счетъ помѣщика былъ построенъ подрядчикомъ Рейнхольдомъ Умблию (Reinhold Umbliu) около корчмы по указаніямъ г. Нилица досчатый лѣтній театръ съ зрительнымъ заломъ на человѣкъ 600; залъ состоялъ изъ постепенно повышавшагося партера, галереи же и ложъ не имѣлъ. Постройка обошлась не особенно дорого, не представляла собою ничего капитальнаго, не имѣла фундамента и была окрашена первое время какъ снаружи, такъ и снутри простою сѣватою краскою; впоследствии оклеивались стѣны изнутри обоями. Уже лѣтній сезонъ 1858 года былъ открытъ въ новомъ просторномъ зданіи, и до возведенія лѣтняго театра на окраинѣ города, въ саду Ремесленнаго Общества, театръ около корчмы „Бѣлый конь“ привлекалъ въ теченіе 12 лѣтъ многочисленную городскую публику какъ своимъ репертуаромъ [давались не только фарсы, комедіи, драмы, трагедіи, но и оперетки и оперы], такъ и сравнительно хорошимъ персоналомъ исполнителей, между которыми появлялись иногда въ качествѣ гостей первоклассныя силы петербургскаго Императорскаго нѣмецкаго театра. Съ открытіемъ театра въ саду Ремесленнаго Общества загородный театръ потерялъ свое значеніе, обветшалъ и былъ проданъ на сломъ въ 1874 году за 180 рублей.

2) Въ газетномъ объявленіи о спектаклѣ 13-го августа 1871 года напечатано: „ . . . Freitag, den 13. August 1871. Zum ersten Male: „Der Revldent“, oder: „Das Incognito“. Lustspiel in 3 Acten, nach Gogol's „Revisor“ aus dem Russischen frei bearbeitet von Albert

существующаго и теперь лѣтнаго театра въ саду нѣмецкаго Юрьевскаго Ремесленнаго Общества ¹⁾. Здѣсь подвизалась нѣмецкая труппа директора Эд. Берента.

Junkelman . . .“ [„Dörptsche Ztg.“ 1871 года, въ №№ 183, 184 и „Neue Dörptsche Ztg.“ 1871 года въ №№ 183, 184]. Интересно, что это объявленіе отличается отъ такового въ 1866 году отсутствіемъ русскаго заглавія пьесы, а также замѣною въ нѣмецкомъ заглавіи слова „Revisor“ словомъ „Revident“. Такъ какъ я, къ сожалѣнію, не получилъ передѣлки Альберта Юнкельмана, то и не въ состояніи сказать, какое слово находится въ заглавіи самой передѣлки.

1) Какъ уже было сказано выше, въ 1870 году былъ торжественно открытъ нѣмецкій лѣтній театръ въ саду Ремесленнаго Общества. Инициативу этого дѣла приписываетъ одна изъ мѣстныхъ газетъ — „Neue Dörptsche Zeitung“ — „нѣсколькимъ патриотамъ съ Николаемъ фонъ-Эттингеномъ во главѣ“ [„einige patriotische Männer, an ihrer Spitze Nicolai v. Oettingen“, N. D. Z. 1880 г. № 142]. Н. ф. Эттингенъ былъ въ то время предсѣдателемъ Ремесленнаго Общества. При немъ былъ выработанъ совѣтомъ старшинъ названнаго Общества проектъ постройки лѣтнаго театра, при чемъ само Общество за неимѣніемъ средствъ не хотѣло взять на себя ни возведенія зданія, ни какой-либо отвѣтственности за его доходность. Для составленія необходимаго капитала [первоначальная смѣта не превышала 6500 руб., но впослѣдствіи театръ съ инвентаремъ обошелся въ 16.453 руб. 21 коп.] образовалось акціонерное товарищество. Ремесленное же Общество обязалось дать въ своемъ саду мѣсто для зданія, а также нести въ теченіе 12 лѣтъ расходы по страховкѣ и ремонту зданія, за что по прошествіи означенныхъ 12 лѣтъ театръ долженъ былъ перейти въ полную собственность Общества. Кромѣ того совѣту старшинъ предоставлено было право голоса при совмѣстномъ съ представителями товарищества рѣшеніи вопросовъ о репертуарѣ, о посѣтителяхъ театра и о назначеніи цѣнъ мѣстамъ. — Въ апрѣлѣ 1870 года начались работы, къ 16-му мая постройка была, по употребленному „Neue Dörptsche Zeitung“ выраженію, „mit affenähnlicher Geschwindigkeit“, т. е. „съ обезьяноподобной скоростью“, подведена подъ крышу, а 21-го іюня состоялось первое представленіе. Строилъ театръ г. Хюббэ подъ наблюденіемъ и по плану архитектора Рѣтшера. — Мѣстная газета „Dörptsche Zeitung“ называетъ лѣтній театръ въ саду Ремесленнаго Общества „ein neues „Novum“, aber erweitert und verbessert“, т. е. газета видитъ въ немъ такое же зданіе, какое было при загородной корчмѣ, но только въ расширенномъ и исправленномъ видѣ. Зданіе представляетъ собою сквозной балочный остовъ, ряды котораго забраны то съ внутренней (въ залѣ), то съ внѣшней (садовыя стѣны коридора) стороны досками, и отличается отъ загороднаго театра болѣе тщательной,

Какъ въ 1866, такъ и въ 1871 году играли „Ревизора“ по состоявшей изъ трехъ актовъ вольной передѣлкѣ Альберта Юнкельмана.-Афиши того времени не сохранились, но имѣются современные отзывы мѣстныхъ нѣмецкихъ газетъ, касающаеся какъ самой комедіи Гоголя, такъ и ея „передѣлки“ и нѣкоторыхъ изъ исполнителей гоголевскихъ типовъ. „Neue Dörptsche Zeitung“ помѣстила предварительную замѣтку о представленіи 13 авг. 1871 г. и отзывы какъ о представленіи 1866 года, такъ и о представленіи 1871 года; въ „Dörptsche Zeitung“ же я нашелъ только предварительную замѣтку и отзывъ о представленіи 1871 года¹⁾. Насколько мнѣ извѣстно, за

капитальной стройкой, не особенно высокимъ каменнымъ фундаментомъ, а также болѣе художественной внутренней и виѣшной отдѣлкой. Зрительный залъ, состоящій изъ партера и галереи съ балкономъ и 18 ложами, окруженъ довольно просторнымъ двухэтажнымъ коридоромъ и былъ разсчитанъ первоначально на человѣкъ 800; по новѣйшему плану вмѣщаетъ онъ въ настоящее время 650 зрителей. Сцена довольно глубока и широка, но до 1900 года была не настолько высока, чтобы занавѣсъ и декорации могли подниматься цѣликомъ наверхъ. По примѣру построеннаго въ 1892 году „Новаго театра“ этотъ недостатокъ былъ наконецъ устраненъ въ 1900 году. — Первые два года допускались на представленія исключительно члены Общества, но такого рода ограниченіе оказалось невыгоднымъ для театральнаго предпріятія въ матеріальномъ отношеніи, вслѣдствіе чего было разрѣшено и нечленамъ посѣщать театръ: въ 1872 году по понедѣльникамъ, съ 1874 по 1876 годъ по буднямъ, а съ 1877 года сдѣлались всѣ представленія общедоступны. Дѣло пошло настолько успѣшно, что по прошествіи вышеозначенныхъ 12 лѣтъ всѣ акціонеры были удовлетворены, и Ремесленное Общество сдѣлалось полнымъ хозяиномъ театральнаго зданія. — Почти 20 лѣтъ директоромъ труппы былъ артистъ Э. Берентъ, уроженецъ Риги, состоявшій также директоромъ Ревельскаго городского театра; изъ директоровъ - иностранцевъ только г. Трѣйманъ пробылъ два года, другіе же продержались и того меньше; съ половины сезона 1898 года антрепренѣромъ театральнаго дѣла является само Ремесленное Общество, главнымъ же режиссеромъ, называемымъ по - нѣмецки „artistischer Director“ состоитъ артистъ К. Бретшнейдеръ, уроженецъ города Юрьева. — Репертуаръ нѣмецкаго лѣтняго театра въ саду Ремесленнаго Общества тоже самый разнообразный: фарсы, комедіи, драмы, трагедіи, оперетки и оперы. Театръ Ремесл. Общ. обзавелся въ послѣдніе годы нѣкоторымъ количествомъ собственныхъ новыхъ декораций.

1) Такъ какъ отзывы мѣстныхъ нѣмецкихъ газетъ предста-

исключениемъ нѣкоторыхъ русскихъ оперъ, „Ревизоръ“ Гоголя единственная классическая русская пьеса, которая давалась нѣмецкими артистами въ Юрьевѣ Лифляндской губерніи.

вляють извѣстный театрално-историческій интересъ, то я привожу ихъ полностью въ этомъ моемъ примѣчаніи:

I. Отзывъ о представленіи „Ревизора“ на нѣмецкой сценѣ загороднаго театра 22-го іюня 1866 года, помѣщенный въ „Neue Dörptsche Zeitung“ 1866 года, въ № 143 и подписанный буквою „F“: „Die Pausen auszufüllen [въ тотъ же самый день, 22-го іюня 1866 г. гастролировалъ пѣвецъ Большой Оперы въ Парижѣ г. Ю. Сессельбергъ; въ началѣ, въ концѣ и послѣ cadaго акта „Ревизора“ были исполнены г. С. нумера пѣнія], führte man den Revisor des Gogolj auf. Das Lustspiel im Originaltext macht schon auf den Leser einen ungemein lebhaften und wirksamen Emdruck, bei dem Zuschauer erregt es in der That „Sensation“. Anders jedoch verhält es sich mit einer „freien“ Bearbeitung, und frei muss sie sein, denn keiner deutschen Uebersetzung ist es möglich, das eigenthümliche, vielgeschmeidige sich gehen lassen in der Ausdrucksweise des Kernrussen wiederzugeben. Bei der gestrigen Aufführung trat neben diesem unvermeidlichen Mangel noch der einer nur zu freien Reproduction der russischen Originalität. In dem Lustspiel ist ein wesentlicher Träger derselben Ossip, den Herr Копка machte. Was wir an diesem Schauspieler wahrgenommen und von Vorstellung zu Vorstellung bestätigt finden, ist seine Sucht, jede komische Rolle zu cariciren. So erging es dem fröhlich gemüthlichen Wirthen in den „Deutschen Komödianten“, so auch dem Ossip in dem „Incognito“. Dieser, das Leben und die feineren Sitten der Residenz kennend, wird beim Gogolj entschieden die Unschicklichkeit nicht begangen haben, ohne „Pojas“ (Gürtel), im flatternden Hemde, Herrschaften gegenüber aufzutreten; er wird sich möglichst aller Purzelbäume ent schlagen, die nur einem Hanswurst anstehen, und nie wird er bis zum Hässlichen übertreiben. Doch können wir nicht verschweigen, dass viele Einzelheiten im Spiel des Herrn Копка befriedigten. Dass Herr Goritz sein überwiegendes Talent zum Tragischen an komischen Rollen ausnutzt, ist der Lage nach ein zwar anzuerkennendes, zugleich aber bedauernswerthes Opfer. Herrn Rogall können wir betreffs seiner gestrigen Darstellung des Dubowsky leider nur dieses Angenehme sagen, dass sein vorzüglicher Gestus und seine dramatische Mimik auch auf Herrn H. Rogall, seinen Sohn, übergegangen ist, von dem bei Fleiss und anhaltender Liebe zur Kunst mehr zu erwarten steht, als ihm anzuwenden Gelegenheit geboten wird. Er sowohl, als die übrigen Vertreter

Объ газеты отзываються съ похвалою о комедіи Гоголя; „Dörptsche Zeitung“ кромъ того упоминаеть, что Гоголя

der Tapkin-, Klopoff- und Burkin-Rollen, ebenso die beiden Edelleute machten ein allen Lobes werthes Zusammenspiel. Die Damen K o p k a und L u t h e r vermochten nicht die Grenze des Mittelmässigen zu überschreiten; wo sie es versuchten, waren ihnen die Losungsworte „richtige Declamation und Auffassung“ entfallen. — F. —

II. Предварительная замѣтка о представленіи „Ревизора“ на нѣмецкой сценѣ лѣтняго театра въ саду Ремесленнаго Общества, помѣщенная въ „Neue Dörptsche Zeitung“ въ № 184 въ концѣ отзыва объ исполненіи ком. „Glass Wasser“: „..... Hoffen wir, dass der zu morgen angesetzte, beim Dorpater Theater-Publicum von früher hier bekannte „Revident“, unstreitig das beste Lustspiel des russischen Theaters, sich einer sorgfältigeren Aufführung [г. рецензентъ былъ крайне недоволенъ постановкою ком. „Glass Wasser“] zu erfreuen haben wird“.

III. Отзывъ о представленіи „Ревизора“ на нѣмецкой сценѣ 13-го августа 1871 года, помѣщенный въ „Neue Dörptsche Zeitung“ 1871 г. въ № 187, въ фельетонѣ подъ заглавіемъ „Gogolj's Revident“: „Diese Ueberschrift für die am letzten Freitag hier zur Aufführung gekommene freie Bearbeitung des „Revisor“ ist nur der Kürze wegen gewählt worden. In Wirklichkeit sahen wir weder das „Repertoirestück aller russ. Bühnen“, wie es auf dem Zettel heisst, noch die Junkelmann'sche freie Bearbeitung, sondern mussten vorlieb nehmen mit einer Machie, wie sie die Laune einzelner Schauspieler erzeugte. Es steht ja ziemlich fest, dass Gogolj's Revident auf der deutschen Bühne, einem deutschen Theaterpublicum gegenüber nur in freier Bearbeitung aufgeführt werden kann. Dialektische und dialogische Schwierigkeiten, zum Theil auch gesellschaftliche Rücksichten sind es, die eine Abweichung vom Original nöthig machen. Dass die Junkelmann'sche Bearbeitung im Ganzen im Geiste Gogolj's sich bewegt, ist nicht schwer zu erkennen. Aber hat man schon hier zu Freiheiten seine Zuflucht genommen, die den Dialog und vieles Charakteristische des Originals oft in schreiender Weise beeinträchtigen, um so sorgfältiger sollten die deutschen Bühnenleitungen darüber wachen, dass durch willkürliche Zusammenschneidungen und Auffassungen der Rollen Seitens der Schauspieler selbst nicht noch ein Uebriges zum gänzlichen Entfremden des vortrefflichen Lustspiels hinzugethan werde. Es sind nur sehr wenige, vielleicht zwei, drei Hauptgestalten, die wir bei der neulichen Aufführung wiederzuerkennen vermochten: Chlestakow, Gssip und mit manchem Vorbehalt auch der Schulinspector und der Kreisrichter. Herr Berent gab den Chiestakow. An der Auffassung

называютъ Диккенсомъ Съвера, и что отъ тонкой наблюдательности этихъ двухъ поэтовъ не ускользнули темныя стороны

dieser verzogenen, noch durchaus milchbärtigen, aber in der nordischen Residenz bereits nach allen Richtungen hin abgehetzten stereotypen Erscheinung hätten wir nur in sofern auszusetzen, als H. Berent dieselbe durchweg zu gesetzt nahm. Chlestakow verleugnet seine Jugendlichkeit niemals. Er ist ebenso knabenhaft übermüthig, als knabenhaft furchtsam, Beides hätte der Darsteller mehr pointiren müssen: die Furchtsamkeit gegenüber dem Auftreten des Stadthauptes im Gasthaus, den flegelhaften Uebermutli namentlich gegenüber den Kleinstädterinnen. Sonst war die Erscheinung recht wirksam und entschädigte einigermaassen für die wirkungslos gebliebene Gegenfigur des Stadthauptes. In Bezug auf den Vortrag des H. Berent können wir die Bemerkung nicht unterdrücken, dass derselbe viel schneller dahineilt. Die höhere russische Conversation will, gleich der französischen, leicht, elegant, schnell ausgeübt werden. — Was sein Herr übersprudelnd schnell ist, das ist der von Herrn Schelper dargestellte Ossip langsam und schwerfällig in Rede und Bewegung. Ossip ist, wie jedes alte Familienstück einer russischen Gutsherrschaft, wichtig, brummig, ewig über die Handlungen des ihm, wie er nicht anders glaubt, auf absolute Verantwortung anvertrauten jungen Herrn reflectirend. Wir freuen uns, dass Herr Schelper wenigstens zum Theil die inneren Züge dieser prächtigen Figur getroffen hat. Dieses Verdienst fällt um so vollgiltiger ins Gewicht, als die Rolle selbst gegen die Junkelmann'sche Bearbeitung, wir wissen nicht, ob aus Bequemlichkeit oder aus besserer Einsicht, ganz unbarmherzig zusammengeschnitten ist, so dass die wichtigsten Momente weggefallen sind und es der Geschicklichkeit des Schauspielers überlassen bleibt, dieselben zu kennzeichnen. Entschieden fehlerhaft ist es, die äussere Erscheinung des Ossip zu cariciren. Die Kupfernase, das in die Augen gestrichene Haar sind durch Nichts motivirt. Ossip darf sogar eher würdig als lächerlich und einfältig erscheinen. Sein Humor ist ein tief ernster. Die Würde des alten treuen Dieners äussert sich denn auch in dem langen, von dem „gnädigen Herrn“ auf ihn überkommenen Rock, den er zugeknöpft tragen muss, so dass das nationale Kennzeichen gewahrt und doch verwahrt bleibt. Herr Möller spielte seinen Schulinspector recht brav, nur hier und da übertrieb er, wie in der Vorstellungsscene. Herr Karl hingegen, dessen Kreisrichter sonst die Kritik wohl aushalten könnte, pointirte zu wenig, was namentlich von der Eingangsscene gilt, die er nächst Dubowitzki und später Dob- und Bob-schinski beherrschen muss. Diese beiden drastischen Figuren kamen leider bei der Freitagsvorstellung gänzlich zu Schanden.

чиновничества, которыя, по мнѣнію газеты, все еще, къ сожалѣнію, столь многочисленны во всѣхъ странахъ; газета

Herr Julius gab in der äusseren Erscheinung einen Zwiebelrussen, wohingegen dem Dobschinski des Herrn Guthery, wie vortrefflich er costumirt und maskirt war, aller und jeder Inhalt fehlte. Von dem Text der Rolle wenigstens schien nur soviel übrig geblieben zu sein, als Herr Guthery daran übrig zu lassen für gut fand. —ch

IV. Предварительная замѣтка о представленіи „Ревизора“ въ нѣмецкой передѣлкѣ 13-го августа 1871 года, помѣщенная въ „Dörptsche Zeitung“ 1871 г., въ № 184, въ концѣ отзыва объ исполненіи комедіи „Dass Glass Wasser“: „Müssen wir der Direction für die Aufführung des reizenden, auch technisch so befriedigenden Lustspiels dankbar sein, da wir doch einen recht vergnügten Abend verlebt, so wird das morgen (Freitag) gewiss noch mehr der Fall sein, wo das Lustspiel „Der Revident“ von dem berühmten russ. Humoristen Gogol über die Bühne gehen wird. Wir haben diesen Verfasser den nordischen Dickens (Boz) nennen hören, eine Bezeichnung, die ihn sofort charakterisieren muss. Der scharfen Beobachtung beider Dichter sind die Kehrseiten des Beamtenwesens, leider in allen Ländern noch immer so zahlreich, nicht entgangen. Von Dickens sind sie in verschiedenen Romanen zum Gegenstand der köstlichen Satire gemacht worden. Dem Gogol ist es in diesem Stücke gelungen ein vortreffliches Bild kleinstädtischer Tschinowniks zu entwerfen. Man kann den Revident (Revisor) nicht lesen ohne dabei laut zu lachen, selbstverständlich wird bei der Aufführung das Komische viel mehr zur Geltung kommen. X

V. Отзывъ о представленіи „Ревизора“ въ нѣмецкой передѣлкѣ 13-го августа 1871 г., помѣщенный въ „Dörptsche Zeitung“ 1871 г., въ № 186: „Nicht ohne Erstaunen erkannten wir gestern in wie hohem Grade unser Theaterpublicum unselbstständig ist. Obgleich die Aufführung, sowie das Stück selbst zum herzlichen Lachen wiederholt reizte, somit den Zweck vollständig erreichte, obgleich die Mehrzahl des Publicums entschieden zufrieden war, liess sich doch diese Mehrzahl von einigen wenigen dahin lenken, die gewöhnlichen Zeichen des Beifalls nicht zu geben. Da nun die Aufführung wirklich eine gute war, so konnte dies nur entmuthigend, somit zu Ungunsten des Publicums wirken. Einige haben gemeint, die Auffassung sei zu possenhaff gewesen, was einigermassen wahr sein mag, doch dürfen wir nicht vergessen, dass das Stück nichts als eine satirische Posse ist, was kein Vorwurf gegen Gogol sein soll, hat ja Shakespeare selbst Possen z. B. Die Irrungen — geschrieben. Die ganze Anlage des Revidenten ist possenhaff. Die Figuren in demselben sind ohne Ausnahme Narren blos; jede Situation ist possenhaff bis

видить въ „Ревизоръ“ только сатирической фарсъ, что впрочемъ не ставить Гоголю въ упрекъ, такъ какъ и Шекспиръ писалъ фарсы.

О вольной передѣлкѣ Альберта Юнкельмана говорится только въ „Neue Dörptsche Zeitung“. Театральный критикъ этой газеты (1871 г.) недоволенъ передѣлкою. Хотя онъ и сознаетъ съ одной стороны невозможность передачи на нѣмецкій языкъ всѣхъ тонкостей гоголевскаго слога, но съ другой стороны обрушивается на г. Юнкельмана за допущенныя имъ вольности и сокращенія, искажающія смыслъ пьесы.

Что касается исполненія, то, между тѣмъ какъ „Dörptsche Zeitung“ хвалить игру артистовъ въ 1871 году, „Neue Dörptsche Zeitung“ подвергаетъ строгой критикѣ гг. исполнителей 1866 и 1871 годовъ. Въ 1866 году комикъ Копка,

auf den Schiuss, in welchem angedeutet, dass die ganze lächerliche Gemeinheit von Neuem wieder losgehen kann. Das auf die Nase fallen des Bobschinsky (Act I) ist vorgeschrieben. Das Zusammenschlagen der Köpfe beim Gratulliren (Act III) ist vorgeschrieben, ebenso der Zank zwischen Bobschinsky und Dobtschinsky gegen Schiuss: wiederholt giebt der Verfasser die Bühnenanweisung, der Schulinspector solle ja nur halb auf seinem Stuhl sitzen u. s. w. Etwas anderes als eine vorzügliche satirische Posse aus dem Stück zu machen, halten wir für unmöglich. Dies geschah. Es wurde im Ganzen recht gut gespielt, nur war Fr. Giers im ersten Act auf einem Irrwege, im zweiten und dritten gefiel sie uns besser. Wenn in dem Stück ein Lichtpunkt ist, kann es nur in der Gestalt der Tochter gefunden werden. Die Beamten sind alle Schurken, Bobschinsky und und Dobtschinsky „grosse Ochsen“, zu dumm, um die Niederträchtigkeiten ihrer Bekannten würdigen zu können. Damit das Bild nicht gar zu schwarz wird, muss das Mädchen einfältig und kindisch, sie ist auch eine Närrin, doch nicht ohne Anmuth gegeben werden. Die Herren Schelper, Guthery und Julius hatten die Masken sehr gelungen gewähit und spielten ihre Rollen vortrefflich. Fr. Gross ist immer sattelfest. Mit dem Spiel des Herrn Directors waren wir vollständig einverstanden, und gefiel uns besonders die Betrunkentheits-Scene (Act II). Mit Anstand solche Scenen zu spielen ist stets schwer, man übertreibt gar leicht, in diesem Falle war bei voller Klarheit der Anstand ganz bewahrt. Im Ganzen wiederholen wir, war die Aufführung höchst lobenswerth X

игравшій Осипа былъ мѣстами слишкомъ карикатуренъ; онъ надѣлъ рубашку безъ пояса и позволялъ себѣ клоунскія выходки; г. Горицъ придалъ своему Хлестакову трагическій оттѣнокъ; г. Рогаль I — городничій былъ во многомъ неудовлетворителенъ. Прочіе чиновники, по мнѣнію газеты сыграли хорошо. Г-жа Копка-Анна Андреевна и г-жа Лютеръ-Марья Антоновна не были въ состояніи перейти границы посредственности. — Въ 1871 г. неудовлетворительность передѣлки г. Юнкельмана была еще усугублена произвольными сокращеніями, а также и произвольнымъ пониманіемъ ролей со стороны гг. актеровъ. Только отчасти удовлетворительны были: директоръ Берентъ-Хлестаковъ; г. Шэлпэръ-Осипъ; г. Мэллеръ-Хлоповъ; г. Карль-Тяпкинь-Ляпкинь; роли городничаго, а также Бобчинскій [г. Юліусъ] и Добчинскій [г. Гутэри] совершенно не удались.

Какъ уже выше было замѣчено, „Dörptsche Zeitung“ похвалила игру актеровъ въ 1871 году. Я нѣсколько остановлюсь на этомъ отзывѣ, тѣмъ болѣе, что такого рода явное противорѣчіе во мнѣніяхъ двухъ газетъ можетъ быть также объяснено ихъ профессиональнымъ антагонизмомъ. „Dörptsche Zeitung“ начинаетъ свою рецензію съ того, что отмѣчаетъ крайнюю несамостоятельность мѣстной публики. Хотя по неудержимому всеобщему смѣху публики и по мнѣніямъ отдѣльныхъ лицъ можно было заключить, что представленіе понравилось, все же вслѣдствіе вліянія немногихъ большинство не аплодировало. Газета приводитъ сужденіе противниковъ: „игра была слишкомъ шутовская“, и тутъ же старается это извинить и обосновать тѣмъ, что „весь строй, весь планъ Ревизора шутовской“, что „лица въ немъ всѣ безъ исключенія только шуты.“ Слѣдствіемъ такого мнѣнія, далеко не совпадающаго, какъ извѣстно, съ мнѣніемъ самого автора, должна быть, разумѣется, почти огульная похвала всѣхъ исполнителей: „играли въ общемъ весьма хорошо.“ Въ игрѣ директора Берента газетѣ особенно понравилась сцена опьянѣнія. Шэлпэра, Гутэри и Юліуса газета хвалитъ какъ за гримъ, такъ

и за игру. Изъ рецензіи „Dörptsche Zeitung“ мы узнаемъ, что Анну Андреевну играла г-жа Гроссъ, а Марью Антоновну — г-жа Гирсъ. Намъ, не бывшимъ зрителями въ 1871 году, трудно рѣшить, которая изъ двухъ газетъ болѣе права, все же приходится отдать предпочтеніе критикѣ „Neue Dörptsche Zeitung“, какъ болѣе обстоятельной.

Нельзя не замѣтить, что артисты 1866 года, какъ Горицъ, Рогаль I, а также артисты 1871 года, какъ Берентъ, Шэльпъръ, Гутэри, Юліусъ — силы далеко не заурядныя, но и имъ оказались гоголевскіе типы не по плечу, что впрочемъ не удивительно: и на русской сценѣ не особенно много артистовъ, исполнявшихъ и исполняющихъ роли въ „Ревизорѣ“ вполне безукоризненно, такъ какъ же требовать безупречной игры отъ иностранцевъ?!

Послѣ 1871 года никогда больше не играли „Ревизора“ на нѣмецкой сценѣ, не смотря на то, что въ семидесятыхъ годахъ появился полный, но не вполне точный переводъ г-на Ланге, а въ началѣ 90-хъ годовъ изданъ былъ самый лучший переводъ г-на Фидлера, сдѣланный по послѣднему Тихоновскому изданію „Ревизора“.

На эстонской сценѣ г. Юрьева „Ревизора“ не давали. Правда, въ 90-хъ годахъ хотѣли поставить его, но редакторъ-издатель эстонской газеты Олевикъ г. Гренцштейнъ забраковалъ переводъ и посоветовалъ отложить представленіе до появленія лучшаго перевода.

„Женитьба“, въ переводѣ г. Луйги (Luiga) подъ заглавіемъ „Naise wõtmine“, была поставлена на сценѣ общества „Wanemuine“¹⁾ директоромъ Вирою [Wiera] **1 октября**

1) Эст. Общество „Wanemuine“ [Wanemuine, Ванемуине — названіе эст. бога пѣнія и музыки; общество „Wanemuine“ было долгое время преимущественно пѣвческимъ обществомъ] основано въ 1865 году, имѣетъ съ 1870 года собственное помѣщеніе и тѣсно

1895 года. Рецензентъ газеты „Postimees“ не могъ быть на представленіи, вслѣдствіе чего отзыва ни о пьесѣ, ни о переводѣ, ни объ игрѣ исполнителей¹⁾ не было²⁾. По зая-

связано съ начатками эстонскаго театра въ г. Юрьевѣ. Въ залѣ этого общества, вмѣщающемъ человѣкъ 300, состоялось 24-го іюня 1870 года первое эстонское представленіе, устроенное г. Янсенемъ [Jannsen], редакторомъ эст. газ. „Eesti Postimees“; шла пьеса Кѣрнѣра „Der Vetter aus Bremen“, переведенная и приспособленная къ эст. жизни — „Saaremaa opuroeg“ — дочерью названнаго редактора, Лидію Янсенъ, извѣстною въ эст. литературѣ подъ псевдонимомъ „Koidula“ [ея перу принадлежитъ также первая оригинальная эст. пьеса „Maret ja Miina“, игранная въ томъ же году]; исполнителями были сыновья г. Янсена и одинъ товарищъ-студентъ. Въ 1874 году былъ образованъ комитетъ, который принялся за правильную постановку спектаклей, при чемъ женскія роли не исполнялись болѣе мужчинами. Во главѣ комитета стоялъ до 1890 года фотографъ Р. Захкеръ (R. Sachker), который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ первыхъ, а также однимъ изъ лучшихъ исполнителей. Съ 1874 по 1890 г. давали преимущественно комедіи, драмы какъ изъ эст. жизни, такъ и переводныя; между послѣдними значатся даже „Магометъ“ Вольтѣра и „Венеціанскій купецъ“ Шекспира. Съ 1890 года перешелъ театръ въ руки г. Виры (Wiera), очень способнаго музыканта-самоучки, иолучившаго незадолго передъ тѣмъ отъ высшаго начальства разрѣшеніе давать самостоятельно эст. театральныя представленія. Уже во время комитетской дѣятельности г. Виры поставилъ нѣсколько пьесъ съ пѣніемъ [такъ напр., въ 1878 г., „Преціозу“, въ 1887 „Фатиницу“ и др.], а съ 1890 г. налегъ онъ почти исключительно на мелодрамы, оперетки и фарсы съ пѣніемъ; въ концѣ XIX столѣтія была исполнена подъ управленіемъ г-на Виры, если не ошибаюсь, въ нѣсколько сокращенномъ и упрощенномъ видѣ опера „Іосифъ въ Египтѣ“. Исполнителями пьесъ на эст. языкѣ являются любители, посвящающіе сценическому искусству лишь часть своего свободнаго времени. Между тѣмъ какъ среди эстонцевъ были и имѣются профессиональные талантливые художники, скульпторы, музыканты, пѣвцы, до сихъ поръ эта нація не выработала порядочнаго актера въ настоящемъ смыслѣ этого слова и все еще довольствуется любительскими, подчасъ весьма слабыми, представленіями. Латыши и финны, вступившіе одновременно съ эстонцами на театральное поприще, очень далеко опередили своихъ сосѣдей въ этомъ отношеніи.

1) Агафля Тихоновна — г-жа Муру; Арина Пант. — г-жа Леппикъ; Оекла Ивановна — г-жа Соо; Подколесинъ — г. Лаасъ; Кочкаревъ — г. Пуна; Яичница — г. Штейнертъ; Анучкинъ — г. Леппикъ; Жевакинъ — г. Мэрска; Дуняша — г-жа Бригитта; Стариковъ — г. Каллипъ; Степанъ — г. Паанъ.

2) Ср. замѣтку газ. „Postimees“ 1895 г. въ № 219.

яленію директора Виры еще два раза была сыграна „Женитьба“. Когда состоялись повторенія, а также появился ли какой-нибудь отзывъ послѣ повторенія пьесы, я, къ сожалѣнію, не могъ узнать.

Этимъ я заканчиваю свой докладъ. Изъ вышесказаннаго видно, что Гоголь побывалъ на всѣхъ почти сценахъ города Юрьева ¹⁾. Правда, въ русскихъ спектакляхъ истинныхъ жрецовъ Талии и Мельпомены замѣняли [порой очень удачно] любители драматическаго искусства, такъ какъ гг. пріѣзжіе заправскіе артисты, въ виду близкаго знакомства публики съ произведеніями Гололя, а также въ виду трудности художественнаго исполненія его комедій, очень рѣдко заносили въ свои афиши имя Гоголя; но надо надѣяться, что и университетскій городъ Юрьевъ со временемъ получитъ свой постоянный русскій театръ, чѣмъ будетъ облегчена болѣе безукоризненная, художественная постановка классическихъ произведеній русской драматической литературы!

1) На 12 сценахъ г. Юрьева были играны произведенія Гоголя: 1) „Женитьба“ — 11 разъ; отрывки изъ „Женитьбы“ — 1 разъ; 2) „Ревизоръ“ — 9 разъ; отрывки изъ „Ревизора“ — 3 раза; 3) „Тяжба“ — 5 разъ; 4) „Записки сумасшедшаго“ въ отрывкахъ — 3 раза; кромѣ того были читаны отрывки изъ „Мертвыхъ душъ“ 2 раза.

Дополненія.

На основаніи данныхъ, найденныхъ мною, къ сожалѣнію, только послѣ напечатанія сего доклада, я могу для большей полноты добавить еще слѣдующее :

I. Къ стр. 17-й :

27-го декабря 1888 года прочелъ г. Агатовъ (псевд.) въ залѣ „Bürgermissе“ на любительскомъ благотворительномъ спектаклѣ при обстановкѣ и въ костюмѣ „Записки сумасшедшаго“, соч. Н. В. Гоголя, въ сокращеніи Андреева-Бурлака. (Ср. „Neue Dörptsche Zeitung“ 1888 г. № 300).

Видѣвпіе игру г. Агатова отзывались съ похвалою объ исполненіи имъ трудной роли Поприщина.

II. Къ стр. 18-й :

Въ объявленіи („Neue Dörptsche Zeitung“ 1891 г., № 178), подписанномъ г. дир. Э. Берентомъ и относящемся къ представленію **8-го августа 1891 года** въ Лѣтнемъ театрѣ Ремесленнаго Общества, упомянуты, кромѣ „Русско-Малороссійскаго Музыкально-Юмористическаго Отдѣленія“, также „Записки сумасшедшаго, драматическія сцены, соч. Н. В. Гоголя“. Эти сцены должны были быть представлены однимъ изъ трехъ „знаменитыхъ малорусскихъ пѣвцовъ и драматическихъ

артистовъ С.-Петербургскихъ театровъ“ (гг. Александровскій, Прокопенко и А. Д. Печоринъ). Изъ отзыва газеты „Neue Dörptsche Zeitung“ (№ 180) не видно, чтобы были дѣйствительно представлены „Записки сумасшедшаго“ : мы узнаемъ только, что вмѣсто названныхъ въ объявленіи трехъ „знаменитыхъ пѣвцовъ и драматическихъ артистовъ“ появлялся только одинъ актеръ (газета не нашла нужнымъ установить его фамилію — „wie der Eine, der allein auftrat, hiess, haben wir festzustellen unterlassen“) и что все, въ его исполненіи преподнесенное публикѣ, „не соответствовало достоинству нашей сцены и вообще не подходило къ требованіямъ художественной критики“ — „weder der Würde unserer Bühne entsprach, noch überhaupt einer Kunstkritik zugänglich war“.

І. З.

Дозволено цензурою. — Юрьевъ, 25-го іюля 1902 г.

Тип. К. Матисена въ Юрьевѣ.